

Торжество музыки

Гастроли театра
«Ла Скала» в Москве

На страницах одного из итальянских журналов как-то была высказана очень верная, на мой взгляд, мысль: «Пение — это естественное побуждение к непосредственному общению, порожденное верой в то, что ближний разделяет выражаемое исполнителем чувство; пение... основывается на надежде в согласии». Не потому ли при всей многосторонности художественных вкусов и духовных потребностей самой разнородной аудитории для нее всегда так привлекательно пение, особенно оперное? Волшебная сила вызывать сопереживание сотен и сотен людей особенно отличает этот род музыки, который, по мнению Чайковского, должен быть наиболее общедоступным.

Здесь русская опера вступает в прямой союз с итальянской, воздействие которой она испытывала по крайней мере более ста лет, чтобы затем с лихвой представить миру великие самобытные творения Глинка, Мусоргского, Бородин, Чайковского, Римского-Корсакова... Так же, как и итальянцы, русские классики отдали большую часть своего вдохновения оперному творчеству, испытывая жгучую жажду говорить с людьми, поддерживать их свободололюбивые чаяния, любовь к родной земле. Русские музыканты, опираясь на народное песенничество, считали человеческий голос естественным средством контакта живых сердец. Это подтверждает энтузиазм нашей сегодняшней оперной аудитории. Разве можно иначе назвать тот интерес, который вызвал как прошлый, так и нынешний визит миланцев в советскую столицу в ответ на гастроли Большого театра в Италию?

Москва снова ждала праздника, предвкушение которого рождается у каждого из нас при встрече с посланцами родины оперного искусства. Ведь в памяти москвичей еще живут «Богема» с М. Френш и Г. Караяном, «Турандот» с Б. Нильсом и Д. Гавадзеви, «Лючия» с Р. Скотто... Новая встреча с «Ла Скала» вполне оправдала это ожидание. У всех на устах «Золушка» Д. Россини — постановка, которую можно назвать истинным шедевром. «...Упоительный Россия, Европы баловень — Орфей», — писал Пушкин, посвятивший восторженные строки музыке «пезарского лебедя». Пушкин слушал его творения в итальянской опере. И теперь мы можем в полной мере разделить восхищение великого поэта. Да, итальянцы умеют с неподражаемым изяществом, легкостью и точностью в труднейших ансамблях передать виртуозный стиль Россини. «Золушка» — подлинно классический спектакль по редкой соразмерности частей в целом, по удивительному слиянию голосов, оркестра в спевы. Итальянцы здесь обрушили на нас сверкающий каскад говачинских, динамичнейших вокальных образов, мелодий, столь же непринужденных в своем искрашащем юморе, сколь и трогательных. Можно ли не оценить задумчивость и блеск исполнения партии Золушки молодой певицей Лючей Валентини Террани? Впрочем, все артисты, занятые в этом спектакле, глубоко органичны в в спевоческом поведении, и в музыке, требующей от каждого певца — будь то басса-буффо (комический бас), контраalto, тенор или баритов — блестящего колоратурного мастерства, безукоризненного владения вокальной «скоростью». И остается только высказать горячую благодарность Террани, Маргарите Гульельми, Энцо Дара, Уго Бенелли, Паоло Монтароло,

руководителям постановки (в том числе режиссеру и художнику Жан-Пьеру Понеллю), сотворившим это чудо.

Новое потрясение москвичи испытали на представлении «Нормы» В. Беллини — оперы, в прошлом столетии не сходящей с репертуара театров в приносящей триумф лучшим певцам мира. В России она шла и на столичных, и на провинциальных сценах. Даже Шалалпин в своей юности пел в ней партию Оровезо на итальянском языке. Триумф ожидал «Норму» и на этот раз. Выдающаяся испанская певица Монсерра Кабалье в главной партии сразу же поразила своим беспредельным техническим мастерством; в последнем же акте она проявила себя как большая трагическая актриса, тронув слушателей до глубины души. Вот где с особой наглядностью выявилась способность оперы объединять весь зрительный зал в едином восторженном порыве! Великолепный ансамбль с Кабалье составили Фьоренца Коссотто и Джанни Раймонди. В этот вечер слушатели вполне насладились знаменитым бельканто, великим мастером которого был автор «Нормы»; его «счастливый природный дар создавать простые мелодии, полные истинного чувства» признал сам Россини. Большое впечатление произвели и востановленные хоры оперы, в свое время вызывавшие горячие всплески патристических демонстраций в Италии.

По своему патристическому звучанию к «Норме» примыкает «Симон Бокканегра» Д. Верди, также вдохновленный (как и многие другие произведения великого композитора) национально-освободительной борьбой итальянского народа. В масштабных формах оперы, в ее массовых сценах, в историческом образе Бокканегры, самым народом избранного дожем Генуи, ясно воплощены глубокая демократическая идея, пламенная любовь к родине. Социальные мотивы, особенно ярко выраженные в новой, обогащенной редакции оперы 1881 года, как и ее выдающиеся музыкальные качества, сохраняют этому детищу Верди актуальность и сегодня. И мы должны по достоинству оценить стремление руководства миланского театра дать возможность советским зрителям так полно ощутить революционно-демократические традиции итальянского искусства.

Революционный пафос, пробирающийся сквозь мелодраматизм «Тоски», героическое звучание «Аиды» дополняют автологию национальной оперной классики целого столетия, наглядно представленную в нынешних гастролх «Ла Скала». И репертуар, и его великолепное воспроизведение мастерами быстро установили самый непосредственный контакт с советской аудиторией. Наши слушатели с радостью вновь встретились с болгарскими друзьями Райной Кабанванска и Николаем Гяуровым, с талантливыми итальянскими певцами Миреллой Френи, Пьеро Капуццилли, Лючао Паваротти, Иво Винко, с интересом познакомились с Джильдой Круц-Ромо, Мирной Печелли, Марко Дзаназза, Карло Коссотта, Джампьеро Мастомен, Франко Тальявини, Ливиджи Рони, бурно приветствовали замечательного испанского артиста Пласидо Доминго в партии Кабардосса («Тоска»). В «Реквиеме» Верди Катя Риччарелли покорила совершенным владением голосом и проникновенной музыкальностью. Ведь именно в музыкальной культуре и кроется секрет обаяния итальянской школы пения.

Вся группа «Ла Скала» — коллектив одареннейших му-

зыкантов. Не случайно московские слушатели восхищаются высоким мастерством хора в оркестра. Редкая красота в единстве тембра, ровность звучания всех хорных и оркестровых групп, пение струнных, стройность деревянных духовых, блеск меди в мягкости ударных инструментов создают неповторимую атмосферу царства Музыки. И вполне закономерны те шумные овации, которые выпадают на долю хормейстера Романо Гандольфи, дирижеров — маститого Франческо Молинари Праделли, молодого Пьетро Вольви в первую очередь музыкального руководителя «Ла Скала» Клаудио Аббадо.

Если говорить об открытии, то таковым, бесспорно, стала встреча москвичей с Аббадо, тридцатилетним музыкантом, уже завоевавшим мировое признание. И дело даже не в том, что четыре труднейших произведения Аббадо ведет без партитуры, на память. Поражает прежде всего редчайшая творческая дисциплина, царящая на его спектаклях в концертах. Дирижер словно дышит вместе с оркестром и певцами, сливая их в единое целое и в подвижных грациозных ансамблях Россини, и в громоводных «тутти» вердиевского «Реквиема» или массовых фивалов «Аиды» и «Бокканегры». В творческом облике Аббадо есть много общего с нашим Александром Мелик-Пашаевым: та же кастилена и прозрачность оркестра, отшлифованность совместного исполнения, объемность звуковых концепций.

Меньше восторга вызывает постановочное решение миланских спектаклей (исключая «Золушку»). В спектакле «Симон Бокканегра», на мой взгляд, слишком уж выделены личные переживания героя и почти совсем затупеваны народно-массовые сцены. В финале первого акта «Тоски» к масштабным декорациям Николая Бенуа не очень удачно «добавлена» пышная церемония богослужения, отвлекающая внимание зрителей от монолога Скарича. В «Аиде» иной раз чрезмерная громоздкость оформления «давит» артистов, а сумеречное освещение (как и в «Бокканегре») часто не дает возможности даже разглядеть их лица. Более приемлема условность аскетической конструкции в «Норме».

Но от «Ла Скала» — как, впрочем, и от любого оперного театра — мы всегда ждем прежде всего не зрелища, а увлекательного, совершенного звучания музыки во всем ее художественном и эмоциональном великолепии.

В целом надо выразить глубокое удовлетворение тем, что дирекция и художественное руководство «Ла Скала» сумели сохранить в нерушимости классические традиции одного из величайших достижений национальной демократической культуры, поставить их на службу широких слоев слушателей. Прославленный коллектив больше не хочет улаждать своим искусством лишь международную элиту. Он стремится приобщить массового зрителя к опере, справедливо считая ее одним из действенных факторов общественной связи. Спектакли по пониженным ценам для рабочей аудитории, выезды на заводы и другие крупные предприятия (артисты, проводящиеся ныне артистами «Ла Скала» и в Москве) — новые формы творческой деятельности театра, которые, несомненно, привлекут его талантливой группе дополнительные художественные стимулы, обогатят ее замечательные традиции.

Е. ГРОШЕВА.